

Анна АРНО
(1953–1997)

Перевод Екатерины Симоновой

Анна Арно родилась и выросла в г. Биддефорд, штат Мэн. Окончила Хантерский колледж. Многие годы жила во Франции. Стихи начала писать в 20 лет под влиянием поэзии Элизабет Бишоп. Книги: «Отражение Анны» (1983), «Освобождение, только похожее на любовь» (1990), «Наши невидящие глаза» (1997, вышла уже после смерти поэта).

ПРОШЛОЕ НАКОНЕЦ СТАЛО МНОЙ

Моя мать

Моя мать была красавицей. Так говорили все, кто ее видел.
Так сказала моя бабушка, когда впервые меня увидела.
Мне было семь, мы приехали к бабушке в ее большой дом,
Полный мертвых мужей, мертвых цветов,
Оленьих голов на стенах, чучел хорьков и лис,
Блеска мертвенных глаз в бриллиантах ее серег.
«Вот, Анна, твоя бабушка, поздоровайся с ней», –
Сказала моя мать таким мягким голосом, какого я у нее никогда не слышала.
Помню ее ледяные, в момент окостеневшие пальцы,
Больно сжавшие мое плечо, как будто я была птицей,
Которую она поймала, хотя я даже не думала улететь.
Бабушка подошла ко мне, ухватила меня за подбородок
Двумя пальцами, такими же холодными, как у матери,
Сказала мне прямо в лицо, пожевав накрашенными длинными губами:
«Странно. Ведь твоя мать – красавица». Вытерла пальцы платком.
Больше она со мной не разговаривала.
В тот момент моя мать показалась мне птицей,
Которую поймала моя бабушка:
Медленно гаснущий блеск глаз,
Птичья когтистая лапка, выпустившая мое плечо,
Как ненужную ветку, несъедобный плод.

Моя последняя вышивка

После смерти матери тетка Лиз научила меня вышивать.
Я так и не заплакала – просто вышила слезы на материнской любимой кофте
Самой голубой ниткой, какую смогла найти.
Но не смогла на этом остановиться, стала вышивать себе новую жизнь.
Я вышила на своем свитере два серебристых крыла чайки –
В школе долго смеялись надо мной, хотели их оторвать,
Курица ты, говорили, а не чайка, ощиплю тебя, выпотрошим, съедем.
Я вышила для тетки Лиз скатерть – она убрала полотно в шкаф.

В первый раз и в последний скатерть доставали на ее поминки:
Помню куриные крылышки в кокосовой стружке,
Кузину, бледную, обсасывающую нежную косточку, всем, как всегда,
недовольную.

Я вышила море на занавеске в своей комнате,
Пока вышивала, мечтала: вырасту, уеду и больше никогда не увижу море.
Вышила и стала видеть море каждый вечер, когда задергивала перед сном окно.
Я вышила первую букву отцовского имени на всех его носовых платках,
Он даже не заметил. Приходил домой поздно, уходил рано,
Казался самой бледной ниткой в узоре моей жизни.
Я вышила на салфетке рыб, краба, морскую звезду, по углам – витые красные
раковины,

Положила ее на комод в гостиной, поставила на нее фото матери.
Это был единственный раз, когда отец все-таки посмотрел на меня, дал пощечину.
Тогда я почувствовала, как печаль вонзилась мне в сердце,
Как иголка в бархатную ветхую подушечку: ткань лопнула, починить невозможно.
Я тогда ничего не сказала, как ни странно, я его понимала.
Сделала свою последнюю вышивку – на рукаве той самой маминой кофты:
Еще одну – самую маленькую – слезу.

Чему она меня действительно научила

Первое, что я увидела, когда увидела ее впервые – это ее голос.
Его было нельзя не увидеть – густой и темный,
Вьющийся кольцами, как ее волосы,
В которые захотелось прямо сейчас и здесь запустить пальцы,
Оттянуть голову назад, прижаться губами к беззащитным ключицам –
Правой, затем левой, потом провести языком по шее.
Никогда я так не любила средневековую французскую литературу,
Как в те два семестра, когда слушала ее голос,
Похожий на все сразу: на Персевалея, ищущего собаку прекрасной девы,
На прекрасную деву со сбитым дыханьем, со слезами кудрей,
На босых кармелиток, молящихся в грозу, то шепчущих, то восклицающих,
На взгляд Изольды, видящей черный парус и все равно
Просящей служанку сказать, какого цвета паруса на корабле.
Она проходила мимо меня в коридоре, густая, темная, безразличная,
Не моя, как вино, вытекающее из разбитой бутылки.
Иногда, когда становилось невыносимо, я шла за ней до дома, стояла в тени,
Глядя, как зажигается свет в комнатах на третьем этаже,
Как к ней приходит разносчик пиццы, соседи, ее Подруга,
Представляла, как Подруга запускает пальцы в ее волосы,
Змеящиеся как у Медузы, обвивающие руки Подруги,
Как Подруга присасывается своим узким безгубым ртом
К венам на шее, похожим на пожарную лестницу на ее третий этаж.
Кажется, никогда я не была так близка к сумасшествию,
Как в те два семестра – глупый соловей с розовым шипом –
Не в сердце, нет, ниже, там, между ног, беспощадно и сладостно,
Даже спустя много лет я стыжусь говорить об этом.
Однажды, когда она опять проходила мимо, моя голова закружилась,
Ноги перестали слушаться, кажется, я упала, кажется,
Она помогла мне подняться, кажется, коснулась моего бедра –

Я почувствовала, как розовый шип моего смущения
Вонзился мне в кожу чуть ниже паха. Я взяла ее за руку, впервые
Посмотрела ей прямо в глаза, цвет которых я так и не смогла назвать,
Она посмотрела на меня впервые, покраснела, отняла руку,
Сказала: «Будьте осторожнее, берегите себя», но было поздно –
Розовые шипы впились в мое тело везде, тогда я впервые поняла:
Больше всего болит, не отпускает, кровоточит то,
Что не случилось и уже не случится.

Бегун Билл

Осень была такой холодной, что мне постоянно хотелось спать.
Но каждый день после уроков мы встречались на школьном стадионе:
Я, Елена, Надин и Лив. У Лив была ровная белая кожа,
Ровные зубы, ровные ноги, ровно подрезанные русые волосы.
Она лучше всех нас смотрелась в красном большом пуховике,
Которые тогда были в моде. Где-то неподалеку всегда сидел Билл,
Влюбленный в Лив. Зубы у него находили один на другой,
Волосы казались мокрой соломой, лицо – красным большим пуховиком.
Мы смеялись, ели леденцы, сплетничали,
Грели ладони друг друга леденцовым дыханием,
Билл молча сидел неподалеку, мял в руках шапку,
Как будто пытался вылепить из нее что-то красивое –
Спящую птицу, черную жемчужину, ночное небо – то, что могло бы понравиться

Лив.

Однажды Лив повернулась к Биллу и сказала,
Играя блестящими глазами, ровными зубами, ясным лицом:
«Пробежишь десять кругов – поцелую». И Билл побежал.
Первые три круга мы смеялись, пели на четыре голоса «Давай, Билл, поднажми!»,
Посылали ему воздушные поцелуи. Волосы Билла быстро намокли и потемнели,
Прилипли к бугристому прыщавому лбу. Билл бежал и бежал,
Хватаясь за левый бок, за правый бок, утирая пот со лба,
Билл бежал все медленнее, но не останавливался.
Елена закричала первой: «Хватит, Билл, хватит, дурак».
Но Лив все смеялась и смеялась, и Билл бежал.
На восьмом круге он споткнулся и упал. Вызвали скорую.
Кажется, что-то с сердцем, или с легкими, или что-то еще.
Но Лив все равно смеялась, показывая ровные зубы.

Билла больше не видели ни в школе, ни на стадионе, ни в нашем районе.
Он умер от передоза в восемьдесят восьмом – молча, все с тем же красным лицом,
Похожим на пуховик, к тому времени – помятым, щетинистым,
Будто дешевая ткань в катышках. «Бегун Билл помер», –
Сказала мне тетка Лиз, когда я в очередной раз позвонила узнать, как дела.
Последние двадцать лет жизни Билла звали только «Бегун Билл»,
Хотя больше никто и никогда не видел его бегущим.
Когда я вернулась в Биддефорд, как-то вечером
Пробралась, как в детстве, на тот стадион, сняла куртку, красную, тоже как в
детстве,
И побежала. «Давай, Анна, поднажми!» – как будто откуда-то сбоку кричала

Я сама себе из прошлого, такая жестокая, такая сильная, как будто
Рядом со мной маленькой смеялась ты, такая нежная, такая взрослая.
Тогда я наконец заставила себя остановиться – я поняла:

Ты все равно никогда меня не поцелуешь.

Будущее

Я зашла в свой старый дом, чтобы остаться в нем навсегда.
Все было здесь так, как я когда-то запомнила:
Пачка пожелтевших, слипшихся от старости газет на рассохшейся этажерке,
Облезлая львиная голова с кольцом в пасти – вместо дверной ручки,
Лицо матери, лежащее в верхнем ящике комода –
Поблекшее, расплывшееся, как лицо любой матери,
Слишком надолго оставшейся в одиночестве.
Я прижалась щекой к стене, надеясь,
Что это напомнит мне о чем-то хорошем:
Сияющем снеге, рождественской чашке какао,
Тетке Лиз, замерзшей, румяной, стучащей в двери,
Кричащей: «Открывайте быстрее, сколько мне еще вас ждать?»
Но обои пахли слезами и пылью, тем, что остается от печали,
Когда печаль уходит, а надежда не возвращается.
Тем самым рождественским вечером, много лет назад,
После долгого счастливого дня,
Тетка Лиз стояла у камина, пила свой невкусный виски,
Тихо говорила, глядя на тени пламени:
«Каждый человек умирает там, где и рождается».
Я притаилась за дверью, не дышала, дрожала, впитывала каждое ее слово,
Которое не могла понять и не смогла забыть.
Почти тридцать лет спустя я стою на том же самом месте,
Пью такой же невкусный виски, наконец понимаю:
Человек умирает там же, где и родился – внутри себя самого.
Я наконец пришла туда, откуда уже не выйти –
Запертую комнату моего разума, забытый храм моего тела.
Я закрыла глаза. Я наконец могла быть спокойна:
Прошлое наконец перестало меня тревожить, поскольку
Прошлое наконец стало мной.